

УДК 314/316(470+571)  
DOI 10.20339/AM.08-25.056

Ли Чжожу,  
аспирант социологического факультета  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);  
Заместитель генерального секретаря  
Общества мировой политической экономики (Китай);  
научный сотрудник Института исследований  
государственной безопасности  
Нанкайский университет (Китай)  
e-mail: liz@my.msu.ru

## СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ<sup>1</sup>

### ЧАСТЬ II. ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ, ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ВЫВОДЫ

*Опираясь на выводы первой части, исследование анализирует конкурирующие практики символического капитала, активируемые в День Победы. Доминирующая политическая элита, институционализированная в «Единой России», консолидирует ресурсы через государственно регламентированные ритуалы, образовательные форматы и медийную повестку, тогда как оппозиционная КПРФ, задействуя инициативы «Бессмертного полка», формирует альтернативную рамку низовыми мобилизациями. Сравнительный анализ фиксирует перераспределение символических ресурсов, влияющее на партийную конкуренцию, поколенческие разграничения и легитимационную динамику; результаты подтверждают гипотезы и уточняют интегративную роль коллективной памяти.*

**Ключевые слова:** эмпирический анализ, партийная конкуренция, День Победы, социальная сплоченность, символические ресурсы.

## SOCIAL MEMORY AND SYMBOLIC CAPITAL: INSTITUTIONAL PRACTICES OF VICTORY DAY CELEBRATION IN MODERN RUSSIA<sup>1</sup>

### PART II. EMPIRICAL MECHANISMS, PARTY COMPETITION AND CONCLUSIONS

**Li Zhuru**, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia) and Deputy Secretary General of the World Association for Political Economy (WAPE) and Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University (China), e-mail: liz@my.msu.ru

*Guided by the conclusions elaborated in the foregoing section, the present inquiry undertakes a methodologically rigorous scrutiny of the mutually antagonistic modalities for the mobilisation of symbolic capital that are brought into operative resonance during the state-sanctioned commemorative observances of Victory Day. The hegemonic political stratum, institutionally embodied within the all-Russian political formation "United Russia," secures the systematic consolidation of the pertinent resources through normatively regulated ritual configurations, pedagogically framed formats, and a centrally coordinated media agenda, whereas the oppositional Communist Party of the Russian Federation, by invoking the civic initiative denominated the "Immortal Regiment," constructs an alternative interpretative matrix predicated upon grass-roots mobilisations. The comparative analysis records the ensuing redistribution of symbolic assets, which exerts a decisive influence upon the parameters of inter-party competition, the delineation of generational demarcations, and the dynamics of legitimation; the empirical evidence thereby adduced corroborates the working hypotheses and refines the appreciation of the integrative function fulfilled by collective memory.*

**Keywords:** empirical analysis, party competition, Victory Day, social cohesion, symbolic resources

## Введение

Вторая публикация раскрывает эмпирическую часть проекта, методологические принципы которого определены в первой части исследования. Используя разработанную трехуровневую схему «государство — партии — общество», в статье дается системный анализ конверсии и перераспределения символического капитала внутри институ-

ционализированных ритуальных практик празднования Дня Победы в современной России. Целью является выявление конкурирующих стратегий в борьбе за символические ресурсы, описание механизмов мобилизации, медиатизации и сакрализации коллективной памяти, а также фиксация отклика ключевых аудиторий. Анализ показывает, что доминирующая партия стремится институционально закрепить ритуалы через образовательные

<sup>1</sup> См. Ли Чжожу. Социальная память и символический капитал: институциональные практики празднования Дня Победы в современной России. Часть 1 // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 7. С. 67–74. DOI: 10.20339/AM.07-25.067.

See: Li Zhuru. Social memory and symbolic capital: Institutional practices of Victory Day celebration in modern Russia. Part 1. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 2025. No. 7. Pp. 67–74. DOI: 10.20339/AM.07-25.067.

форматы и медиаповестку, тогда как КПРФ и связанные с ней движения перераспределяют ресурс посредством низовых мобилизаций и альтернативных нарративов. Особое внимание уделено региональным варьированиям, демонстрирующим, как федеральная мемориальная рамка соотносится с локальными конфликтами. Итогом является операционализированная схема, применимая для междоусобного сопоставления политик памяти и механизмов символической мобилизации.

### **Операции с символическим капиталом и межпартийная конкуренция в институционализированных ритуалах памяти о ВОВ в современной России**

В целях проверки теоретических предпосылок данного исследования был осуществлен сбор эмпирических данных, полученных от участников наблюдений за празднованием Дня Победы и связанными с ним памятным мероприятиями в современном российском обществе. Кроме того, в рамках исследования проведен систематический анализ официальных политических документов и основных медийных сообщений. Перед нами стояла задача определить специфические механизмы доминирования и формирования памяти о Победе под воздействием официальных (государственных) акторов — процесса, который можно охарактеризовать как «национализацию» исторического нарратива, — а также оценить более широкие социальные последствия этого явления.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что механизмы, функционирующие на уровне государственных институтов, оказывают существенное влияние на формирование коллективного сознания различных социальных групп. Как отмечается в одном из источников, «Коммунистическая партия любой страны, так же как и идеологическое сообщество, порождает новые теории, создает новые работы и развивает собственных теоретиков, чтобы в данный исторический момент служить актуальным политическим задачам»<sup>2</sup>. Российские властные институты глубоко интегрировали историческую память о «победе в Великой Отечественной войне» в государственный идеологический нарратив посредством системы образования, официальной пропаганды и стандартизированных ритуалов. В области исторического просвещения героизм и национальное самопожертвование, продемонстрированные в годы ВОВ, последовательно отражаются в образовательных программах,

причем формирование патриотических чувств и национальной идентичности неоднократно акцентируется как в школьных учебниках начального уровня, так и в учебных планах вузов. Что же касается государственных памятных мероприятий, то ежегодно 9 мая в России проводятся масштабные военные парады и иные торжественные церемонии не только в столице — Москве, но и в крупных городах страны. Руководители государства и региональных администраций возлагают венки к Могиле Неизвестного Солдата и выступают с публичными патриотическими речами, которые транслируются в прямом эфире по национальным СМИ, формируя тем самым интенсивную атмосферу памяти о военной победе и коллективных чувств во всем обществе. Кроме того, правительство задействует правовые инструменты для укрепления авторитета и единства официальной исторической версии, опираясь на соответствующие законодательные положения, в частности, на санкции за так называемые «искажения истории» и запрет публично отрицать роль СССР во Второй мировой войне.

С 1 сентября 2023 г. в российских школах была введена новая, единая национальная редакция учебника по истории для 10-х и 11-х классов, характерной целью которого провозглашалось «формирование российской гражданственности и патриотизма». Данный учебник, опираясь на последовательное включение материала, ориентированного на укрепление патриотических чувств, пропаганду традиционных ценностей, сплочение нации и конструирование гражданской идентичности, предлагает обновленное на 50–70% (по сравнению с изданием 2016 г.) содержание, что подтвердили исследования китайского ученого У Эньюаня и его коллег. Примечательно, что в этой новой версии были переработаны и фактически переписаны главы, отражающие период с 1970-х годов по XXI в., а также введен блок о событиях 2014–2023 гг., где упоминаются «возвращение Крыма в состав России», «вхождение Донецка и ряда иных территорий в состав Российской Федерации» и «специальные военные операции». Кроме того, особое внимание уделяется перечислению ключевых достижений СССР в экономической, культурной, военной и научно-технической сферах, включая «победу в Великой Отечественной войне». Столь детализированный исторический контекст призван сформировать у школьников навыки осознания и отождествления себя с «великими достижениями» страны. Предполагается, что освоение данного материала будет способствовать укреплению национальной гордости обучающихся и стимулировать развитие у них чувства ответственности

<sup>2</sup> Мао Цзэдун. Разговоры по поводу «Учебника политической экономии» (СССР) (отрывок) (декабрь 1959 — февраль 1960) // Собрание сочинений Мао Цзэдуна. Пекин: Издательство «Жэньминь», 1999. Т. 8. С. 109.  
Mao Zedong. Discussions on the Textbook of Political Economy (USSR) (excerpt) (December 1959 – February 1960). Collected Works of Mao Zedong. Beijing: Renmin Publishing House, 1999. Vol. 8, p. 109.

перед государством<sup>3</sup>. В совокупности перечисленные институционализированные практики в современном российском обществе формируют доминирующий статус специфических нарративов, связанных с победой в ВОВ, и обеспечивают их преобладание в процессах общественной коммуникации и информационного обмена.

Согласно данным опроса ВЦИОМ, социальное признание данного доминирующего нарратива находит отражение в широко разделяемом отношении к официальной версии победы и связанным с ней символам (таким как георгиевская ленточка, Могила Неизвестного Солдата и т.д.), которые зачастую рассматриваются как неотъемлемая часть исторического сознания современного российского общества. В частности, 86% опрошенных полагают, что передача «памяти о Победе» имеет абсолютную важность, а еще 12% — что она просто важна. Одновременно результаты опроса указывают на наличие определенных межпоколенческих различий в восприятии: 68% респондентов считают, что молодежь в сегодняшней России не придает победе в ВОВ СССР такого же значения, как предыдущие поколения. Тем не менее почти половина опрошенных (48%) выступают за сохранение памятных мероприятий в прежнем объеме и масштабах, даже если все ветераны ВОВ со временем уйдут из жизни<sup>4</sup>.

В современном российском обществе политические элиты, обладающие публичной властью, активно используют обширные символические ресурсы памяти о победе в ВОВ для закрепления социального признания собственного правления. Одной из ключевых стратегий при этом становится публичное позиционирование себя в качестве достойных преемников и верных хранителей героического исторического наследия. Так, во время официальных выступлений, приуроченных к празднованию Дня Победы, руководство страны неизменно подчеркивает жертвы и вклад предшествующих поколений, связывая таким образом действующую политическую систему с историческими достижениями нации и формируя для своего правления дополнительную морально-символическую легитимность.

Одновременно широкие слои населения демонстрируют высокую степень поддержки и активного участия во всевозможных мероприятиях, посвященных Дню Победы, что создает масштабную социально-психологическую основу для официального идеологического нарратива. По данным интервью, чувство гордости за День Победы в значительной

мере характерно для респондентов разных возрастов и социальных категорий, что позволяет говорить о том, что государственным акторам в определенной степени удалось трансформировать «память о Победе» в ресурс, способствующий консолидации общества. Более того, это коллективное чувство причастности и чести способно смягчать или сдерживать некоторые противоречия и обиды, имеющие место в реальной жизни. Так, в ответах на вопросы о насущных проблемах, например о текущих экономических сложностях, некоторые респонденты обращались к примеру стойкости народа в годы войны, указывая на то, что «наши предки смогли выстоять на грани жизни и смерти, значит, и мы сегодня, безусловно, преодолеем трудности». Подобные высказывания отражают способность исторических нарративов о Победе выступать при определенных условиях механизмом отвлечения внимания от существующих социально-экономических проблем или смягчения их восприятия.

Следует подчеркнуть, что хотя «память о Победе» благодаря высокой степени институционализации стала своего рода универсальным нормативным каноном в современном российском обществе, детальный социологический анализ показывает, что между различными социальными группами и разнообразными политическими акторами по-прежнему существуют расхождения и потенциальная напряженность в понимании глубинного смысла этой памяти и ее актуальности в сегодняшних реалиях. Так, старшее поколение, имеющее более тесную связь с советским периодом, а также жители малых и средних городов и сельской местности, как правило, более полно усваивают и принимают официально доминирующие рамки общего нарратива, в котором «победа в Великой Отечественной войне» воспринимается как неоспоримая национальная гордость и фундамент идентичности отдельного человека. Соответственно, они с большей готовностью отождествляют себя с политическими силами, которые активно поддерживают и продвигают «память о Победе».

В то же время более молодые поколения с высоким уровнем культурного капитала, в основном проживающие в мегаполисах, а также отдельные представители общества, склонные к критическому осмыслению действительности, нередко испытывают определенную настороженность и высказывают оговорки по поводу масштабных и унифицированных пропагандистских или мобилизационных моделей, связанных с «памятью о Победе». Они могут выражать

<sup>3</sup> У Эньюань, Ли Сяохуа. Траектория изменений социальной идеологии в российских учебниках истории. Исследования по теории Мао Цзэдуна Дэн Сяопина, 2024, (09):81-95+F0003. Часть II. Эмпирические механизмы, партийная конкуренция и выводы.

Wu Yanyuan, Li Xiaohua. The Trajectory of Changes in Social Ideology in Russian History Textbooks. Studies on the Theory of Mao Zedong Deng Xiaoping, 2024, (09): 81-95+F0003. Part II. Empirical Mechanisms, Party Competition, and Conclusions.

<sup>4</sup> ВЦИОМ. Великой Победе — 80 лет! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let>.

VTIOM. 80 years since the Great Victory! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let>.

подобные взгляды в частных беседах или в относительно закрытом социальном пространстве, указывая на то, что чрезмерный акцент на исторической славе может отвлекать внимание от неотложных социально-экономических проблем и от комплексного анализа текущих вызовов. При этом в большинстве случаев такие критические голоса не отрицают исторической и эмоциональной ценности празднования военных побед, а выступают за более честное, разностороннее и неинструменталистское отношение к сложным периодам истории. К примеру, один из молодых респондентов в ходе глубинного интервью заявил о глубоком уважении к ветеранам Второй мировой войны, одновременно указывая, что «празднование Победы не должно сводиться к средству отвлечения людей от других насущных проблем». Хотя подобная позиция пока не является доминирующей в общественном мнении, она демонстрирует ключевые противоречия в сфере «политики памяти», где борьба за авторитет и контроль над историческими нарративами сосуществует с потребностью в критическом осмыслении прошлого.

На более формализованной арене партийной политики историческая память о «победе в Великой Отечественной войне» превратилась в центральный политический символ, требующий крайне аккуратного обращения со стороны всех крупных политических объединений. Высокая степень социальной значимости и эмоциональной наполненности данного символа затрудняет любую открытую критическую переоценку или радикальное отклонение от ключевых положений глубоко институционализированного национального нарратива для политических сил, претендующих на влияние в масштабах всего государства. Правящая партия «Единая Россия» сознательно позиционирует себя как центральную политическую силу, продолжающую и транслирующую исторические достижения предшествующих поколений, используя их как ресурс легитимизации и способ укрепления национальной сплоченности. Иные, не входящие в правящую коалицию, партии — например, КПРФ, обладающая определенной электоральной базой в национальном политическом спектре, — также активно обращаются к знамени «Победы в Великой Отечественной войне» как к источнику социального признания и политической мобилизации. При этом каждая партия стремится наполнить данный общий символ собственными идеологическими акцентами и историческими интерпретациями, придавая ему особый политический смысл, отличающийся от официального мейнстримного нарратива.

Так, Российская коммунистическая партия, в частности КПРФ, делает больший акцент на историческом вкладе социалистической системы в победу, указывая на ведущую роль советской индустриализации и организационные усилия самой Коммунистической партии в исходе войны. Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов на пленуме партии в апреле 2025 г. предложил интерпретацию движения «Бессмертные легионы», отличающуюся от господствующей трактовки: «Одновременно следует подчеркнуть, что трудящиеся страны смогли отвоевать право гордиться подвигами советской державы. Родилось народное движение “Бессмертный полк”. Власти пришлось прибегнуть к тактике перехода от злобного оголтелого антикоммунизма к его более “мягкому” варианту»<sup>5</sup>. Тем самым коммунисты конструируют собственную версию «победы», в которой центральное место занимают заслуги советского строя и коммунистической идеологии, а официальная власть государства воспринимается как вынужденная приспосабливаться к этим общественным настроениям. КПРФ также активно выступала против скрывания Мавзолея В.И. Ленина — символа социализма — на Красной площади во время празднования Дня Победы, указывая, что подобная практика фактически выстраивает определенную цепочку коллективной памяти: «социалистические убеждения — противостояние двух систем — руководящая роль Коммунистической партии — победа в войне». С точки зрения коммунистов, искусственное «убирание» этой символической фигуры из публичного пространства именно в день, когда официально чествуются военная победа СССР, искажает историческую логику, в которой социалистический строй и коммунистическая идеология, по их интерпретации, сыграли решающую роль в исходе войны.

В рамках реальной модели политической конкуренции соперничество между партиями сводится не столько к принципиальному вопросу о необходимости или желательности празднования данного исторического события, сколько к тому, как именно интерпретировать его глубинное значение, актуализировать в современной социально-политической повестке дня и превратить «правильное» наследование этой истории в действенный инструмент политической мобилизации. Указанный феномен наглядно демонстрирует, что «память о победе» в современной российской политической практике образует своего рода «консенсусную рамку» высокой значимости: она не только задает границы публичного дискурса и определяет поведенческие стратегии политических акторов, но и, что

<sup>5</sup> Зюганов Г.А. О работе отделов КПРФ по социальной защите трудящихся в условиях специальной военной операции и системного кризиса капитализма. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/233519.html>  
Zyuganov, G.A. On the work of the CPRF departments on social protection of workers in the context of a special military operation and the systemic crisis of capitalism. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/233519.html>

особенно важно, жестко маргинализирует или клеймит те политические проявления и дискурсивные практики, которые решаются на кардинальное отступление от базового консенсуса коллективной памяти либо бросают ему прямой вызов. Эта особенность с очевидностью подчеркивает структурную силу и нормативный эффект «официальной памяти», формировавшейся и поощрявшейся государством в течение длительного периода, в деле поддержания существующего политического порядка и в регулировании дискурсивных конструкций политической легитимности.

Наиболее явной иллюстрацией служит продолжающийся процесс институционализации и социального воспроизводства памяти о «годовщине Победы в Великой Отечественной войне СССР», в котором стратегии и практические следствия использования данной памяти со стороны КПРФ в сопоставлении с органами государственной власти порождают сложную картину как общих ориентиров, так и значимых тактических расхождений. Эти моменты не только демонстрируют, каким образом социальная память в форме «мобильного» символического капитала поддается конкурентной интерпретации, присвоению и распределению между разными социальными субъектами, но и отражают глубокие аспекты классовых отношений, поколенческого опыта, а также паттерны взаимодействия политических партийных организаций, глубоко укорененные в контексте специфических социальных трансформаций и конфигураций власти.

Настоящее исследование стремится выйти за пределы механического наложения существующих теорий, пытаясь наглядно показать, как внутренние напряжения между разными социологическими парадигмами могут содействовать более детальному осмыслению конкретных вопросов и интегрироваться при анализе эмпирических феноменов. Например, если ограничиться теорией символического капитала Пьера Бурдьё, можно вполне убедительно объяснить использование «памяти о Победе» политическими партиями в контексте конкуренции за символическую власть в «поле памяти». Однако данный подход, если его не дополнить, может игнорировать институциональные факторы, исторически укорененные в социальных структурах и процессах (например, влияние «исторического институционального наследия» на КПРФ или роль текущей институциональной среды, включая избирательное законодательство и медиапространство). С другой стороны, неoinституциональная социология напоминает о том, что политические партии не обладают полной автономией, а действуют под воздействием структурных ограничений и «зависимостей от пройденного пути». Тем самым первая перспектива подчеркивает динамизм и стратегическую изобретательность акторов, тогда как вторая — приоритетность и жесткость

структурных факторов. «Интегративный процесс» настоящего исследования заключается не в простом сглаживании этого противоречия, а скорее в рассмотрении его как ключевой эвристической точки для понимания сложности социальной реальности. Именно в постоянном взаимодействии и взаимной конституции структурных ограничений и динамических стратегий, как мы утверждаем, раскрывается использование политическими партиями «памяти о Победе». Теория структуризации Энтони Гидденса здесь служит важным концептуальным мостом, позволяя проследить, каким образом акторы (партии) действуют в уже существующих институционализированных рамках памяти и в условиях социальной дифференциации своей аудитории, а через собственные операции (дифференцированные интерпретации и практики мобилизации памяти) они одновременно воспроизводят, адаптируют и, пусть медленно, но всё же меняют эти структуры.

В сочетании с аналитической рамкой мезоуровня, представленной в предыдущем разделе данного исследования, где ставится задача связать макроинституциональные структуры, организационные стратегии среднего уровня и микроуровень индивидуальных идентичностей, открывается возможность для более детального эмпирического анализа взаимодействия между КПРФ и правящими властями в использовании «памяти о Победе». Такой подход призван глубже выявить, каким образом в конкретном социально-историческом контексте современной России плюралистические интерпретации «победы в Великой Отечественной войне» оказываются теснейшим образом вплетены в политическую дифференциацию социальных слоев и конкурентные отношения между партиями.

С точки зрения теории символического капитала действия как КПРФ, так и правящих сил по институционализации коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне можно рассматривать в качестве процесса накопления и воспроизводства символического капитала. Посредством институционализированных ритуалов (например, публичных памятных церемоний), трансляции историко-образовательного контента через официальную систему просвещения и формирования соответствующих нарративов в СМИ обе стороны стремятся превратить историческую память о Победе в символический ресурс, призванный укреплять социальную сплоченность и коллективную идентичность, а в конечном итоге — содействовать достижению собственных политических целей. Эффективность механизма воспроизводства символического капитала вокруг конкретных исторических нарративов в значительной мере определяется тем, сможет ли данная память получить признание в самых широких слоях общества и укорениться в

их повседневной когнитивно-эмоциональной структуре, сформировав тем самым устоявшийся и передающийся из поколения в поколение социальный габитус.

Вместе с тем, когда речь идет о конкретном содержании, эмоциональной направленности данного символического капитала и моделях конструирования социальной идентичности, КПРФ и официальные органы власти демонстрируют ярко выраженные расхождения. Нарративная стратегия КПРФ в большей мере нацелена на формирование и укрепление классовых настроений, а также воспоминаний о социалистической идеологии, прямо связанных с определенными историческими периодами, прежде всего с советской эпохой. В частности, КПРФ интерпретирует победу в войне прежде всего как свидетельство превосходства социалистической системы, подчеркивая успехи государственной индустриализации под руководством коммунистической партии и центральную роль рабочего класса в историческом процессе. Такие нарративы не только закрепляют классовую принадлежность и соответствующие социокультурные привычки в определенных социальных слоях (особенно среди промышленных рабочих, сохраняющих позитивную память о советском прошлом, у тех, кто приобрел высокий социальный статус в условиях плановой экономики, а также у части старшего поколения), но и выстраивают парадигму социальной памяти, имеющую ярко выраженную классовую основу. Именно такая парадигма способна вызвать глубокий эмоциональный отклик и ценностное признание у вышеназванных специфических групп, формируя их прочную идентификацию с наследием советского периода.

Противоположно тому, что характерно для КПРФ, правящие власти при создании и распространении социальных нарративов «памяти о Победе» чаще всего обращаются к масштабным концептуальным рамкам, призванным преодолеть границы отдельных классов или групп и подчеркнуть универсальную национальную идентичность. В официальном дискурсе обычно акцентируются общенародное участие в победе, верховенство национального суверенитета и территориальной целостности, а также идеалы героизма, не зависящие от классовой принадлежности. Цель подобной стратегии — заложить основы более широкой и инклюзивной социальной интеграции, а в итоге укрепить и воспроизвести политическую легитимность правящего режима. Другими словами, руководствуясь логикой данных нарративов, власть стремится символически преодолеть или хотя бы временно нивелировать потенциальные классовые различия и конфликты интересов, добиваясь тем самым символической конструируемой «социальной гармонии» и политической стабильности.

Более глубокий взгляд с позиций неoinституционализма показывает, что расхождения в парадигмах «памяти о Победе» между КПРФ и правящими силами во многом проистекают из принципиально различных историко-институционального наследия, сетей организационных ресурсов и социальных опор, унаследованных или сформированных в процессе драматических трансформаций и перестройки постсоветской социальной системы. КПРФ как политическая организация, по своим идеологическим и организационным традициям непосредственно связанная с КПСС, во многом унаследовала широкий пласт коллективных воспоминаний и символических систем, связанных с социалистической идеологией советской эпохи. Эти традиции, долгое время укреплявшиеся благодаря высокоинституционализированному историческому образованию, плотной партийной пропаганде, организационной мобилизации и деятельности на низовом уровне, продемонстрировали высокую степень «зависимости от пройденного пути» и относительную структурную устойчивость в ряде социальных групп и территориальных регионов. А именно, поколение, чья социализация проходила в советский период, демонстрирует специфический паттерн отклика на коллективную память о войне. Обладая непосредственной связью с советской эпохой, представители старшего возраста, как правило, глубоко интернализовали доминирующий нарратив о войне и воспринимают День Победы как неоспоримый символ национальной гордости, лежащий в основе их личной идентичности. Данная социальная группа в большей степени склонна идентифицировать себя с политическими силами, которые активно поддерживают и продвигают «память о победе». КПРФ в этом контексте имеет особенно высокую символическую мобилизационную силу среди данной когорты, поскольку ее версия исторического нарратива непосредственно резонирует с опытом и воспоминаниями советской эпохи. С коммунистической точки зрения победа в войне трактуется прежде всего как триумф социалистической системы и трудового народа, и данный акцент на достижениях советского строя и роли рабочего класса глубоко укоренен в коллективной памяти советских времен. Он соответствует ценностным ориентациям старших поколений и рабочих слоев, вызывая у них сильный эмоциональный отклик и ценностное признание, что, в свою очередь, способствует укреплению их отождествления с советским наследием. Иными словами, символические образы, ассоциируемые с советской Победой, продолжают служить мощным источником смысла и коллективной идентичности для этой группы, что объясняет их более высокую вовлеченность в ритуалы памяти, организуемые КПРФ.

В отличие от этого, правящий режим сталкивается с проблемой выстраивания эффективного социального консенсуса и формирования новой национальной идентичности в условиях усложняющейся социальной структуры, усиления поляризации интересов и утраты традиционными идеологиями их прежнего интегративного потенциала. В такой обстановке обращение к нарративу, выходящему за пределы узких классовых или идеологических разделений и фокусирующемуся на национальном единстве и исторических свершениях, становится рациональной институциональной стратегией: оно позволяет учитывать тенденцию к социальному плюрализму на институциональном уровне, мобилизовать различные социальные силы и добиваться более широкой поддержки населения.

Опираясь на вышеизложенный анализ, представляется возможным ввести понятие «устойчивость коллективной памяти», которое подразумевает длительную структурную приспособляемость и восприимчивость определенных социальных групп к историческим символам. Данный концепт, синтезируя ряд распространенных в современной социологии теоретических подходов (институционализм, символический интеракционизм, теорию институционализации памяти и др.), подчеркивает сочетание долговременного структурного влияния коллективной памяти с активной реактивностью групповых акторов. С институциональной точки зрения, высокая степень институционализации военных памятных практик (ритуалы, система образования, государственная пропаганда) формирует значительный «запас прочности» коллективной памяти даже под воздействием социальных трансформаций, сохраняя черты структурной стабильности в отдельных социальных группах. Благодаря этому своеобразному «социальному иммунитету памяти» поколение, сформировавшееся в советскую эпоху, сумело адаптировать свои воспоминания к новым реалиям, не утрачивая смысловой связи с ключевыми символами Победы. Проявляемая ими устойчивость коллективной памяти выражается в непрерывном воспроизведении и признании накопленного символического капитала советского прошлого, что позволяет историческим образам сохранять свое объединяющее и мобилизующее значение на протяжении десятилетий.

В настоящее время официальные власти занимают доминирующую символическую позицию в сфере «памяти о Победе» главным образом благодаря контролю над институциональными рамками и каналами трансляции памяти. Через образовательную систему, государственную пропаганду, законодательные меры и массовые ритуалы государство глубоко интегрировало память о войне в господствующий идеологический нарратив, фактически достигнув монополии на формирование коллективной исторической памяти. Такая монополизация позволяет выстраивать

объединяющий нацию образ Победы и одновременно маргинализировать альтернативные трактовки, выходящие за рамки установленного консенсуса. При этом в постсоветский период не произошло событий столь значимого масштаба, которые бы радикально пересмотрели или трансформировали устоявшийся нарратив Победы. Отсутствие подобного рода потрясений означает, что институционализированная рамка памяти о войне остается в значительной степени неизменной, неконкурируемой и еще более укрепляет символическую гегемонию власти в данном пространстве.

Подобные выводы напрямую соотносятся с исходными гипотезами и исследовательскими целями, обозначенными в первой части работы. Целью было детально выяснить, как российское государство институционализирует память о победе СССР в Великой Отечественной войне и каким образом данный процесс влияет на взаимодействие различных социальных слоев и политических сил. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что современное российское руководство действительно трансформировало память о войне в повсеместно разделяемый символический капитал, укрепляющий социальную сплоченность и поддерживающий общественный порядок. Одновременно выявлено, что включенность различных групп населения и политических акторов в эту память, а также способы ее интерпретации, существенно отличаются, что указывает на сложный характер взаимодействия между социальной структурой и символическими ресурсами. Более выраженный эмоционально-идентификационный отклик советского поколения на «классово окрашенный» нарратив КПРФ и массовая национальная интеграция, достигаемая при помощи официального нарратива, свидетельствуют о многоплановом характере коллективной памяти. Это, в свою очередь, подтверждает исходное предположение авторов: даже будучи институционально закрепленным, историческое наследие остается динамичным и подвергается переосмыслению разными социальными группами с учетом их собственных интересов.

Стратегический выбор, нарративное конструирование и вытекающие из этого социальные эффекты, определяемые деятельностью как КПРФ, так и российской правящей власти в институционализации социальной памяти о Победе в Великой Отечественной войне и ее широком распространении, в полной мере отражают сложную логику взаимодействия социальных структур, а также непрерывное воспроизводство и конкуренцию символического капитала в переходный период современного российского общества. Данный вывод не только подтверждает эмпирическую состоятельность разработанной в предыдущем разделе исследовательской схемы, призванной интегрировать различные теоретические перспективы анализа на мезоуровне, но

и предоставляет конкретные, насыщенные эмпирические данные и теоретические обобщения, позволяющие глубже понять переплетение социальных структурных трансформаций, эволюции партийной политической экологии и процесса конструирования коллективной памяти и национальной идентичности в современной России. Тем самым полученные результаты проливают свет и на закономерности российской государственности, поскольку именно в сопряжении изменений в социальной структуре, партийном ландшафте и идеологическом конструировании памяти находят отражение ключевые механизмы формирования и воспроизводства легитимности в переходном обществе.

## Заключение.

### Символическая капитализация социальной памяти и классовое взаимодействие переосмыслены

В представленном исследовании поставлена теоретико-эмпирическая задача: определить, каким образом конкретные исторические воспоминания, будучи институционально поддержаны и преобразованы, трансформируются в символический ресурс и оказывают комплексное воздействие на социальные структуры. С опорой на совокупность ведущих парадигм — включая макроанализ стратификации, концепцию идеологических аппаратов, теорию символического капитала, а также идеи о диалектических отношениях структуры и агентности — автор формирует мезосоциологическую аналитическую рамку. Эта рамка дает возможность соединить макроуровень власти и социальных институтов с микроуровнем индивидуальных восприятий и практик, объясняя, каким образом коллективная память о знаковом историческом событии способна обрести статус социально значимого ресурса.

Эмпирические данные подтверждают основную гипотезу — различные государственные и общественные институты, используя широкие каналы распространения (образовательные материалы, публичные церемонии, медийное пространство), формируют определенный дискурс вокруг исторического опыта. На его основе возникает чувство общественной сопричастности, повышающее уровень внутренней сплоченности и готовности к совместному противостоянию вызовам. Эти же механизмы могут эффективно нейтрализовать внутреннее напряжение, когда сложившаяся историческая нарративная предоставляет эмоциональную и

ценностную основу для преодоления текущих конфликтных ситуаций. Таким образом создается своеобразный символический капитал, укрепляющий легитимность социальных институтов.

Наряду с этим, выявлено многообразие стратегий, используемых различными группами и элитами при трактовке исторических сюжетов. Официальный дискурс стремится закрепить единообразный нарратив, однако реакция со стороны акторов с разными социальными характеристиками не является однородной. Различия в интерпретациях, степенях вовлеченности и нюансах эмоционального восприятия указывают на существование динамического взаимодействия между структурными схемами и практиками на местах. Это подтверждает ключевой тезис структурационной теории: отношения между институциональными рамками и индивидуальными действиями развиваются во взаимном конструировании, а не сводятся к односторонней детерминации.

Особую важность имеет относительная автономия идеологических представлений, укореняющихся в массовом сознании вне зависимости от изменения социально-экономической среды. Подобные исторические воспоминания, проникая в культурные традиции и повседневные схемы восприятия, сохраняют свое мобилизационное воздействие на протяжении длительного времени, становясь частью когнитивных «самоочевидных» установок<sup>6</sup>. Применительно к теоретической перспективе множественных источников власти это означает, что идеологические факторы могут существенным образом дополнять или даже усиливать экономические и политические ресурсы.

Таким образом, исследование показывает, что комплексная институционализация исторической памяти имеет далеко идущие социально-политические последствия, влияя на механизмы интеграции, а также задавая рамки общественной дискуссии. При этом предложенная теоретико-аналитическая схема (соединяющая макроанализ неравенства, концепты идеологического воспроизводства, понимание символического капитала и теорию структурно-агентностных отношений) имеет потенциал к расширенному применению в сравнительных исследованиях, посвященных роли исторических нарративов в формировании идентичности и коллективного действия. Раскрывая способы институционального закрепления памяти, эта схема помогает глубже понять природу социального консенсуса, а также оценить, каким образом разные акторы участвуют в конструировании прошлого для решения актуальных задач.

<sup>6</sup> Лю Чжили, Вэй Цзытун. Цивилизационная ценность и мировое значение новой модели партийной системы Китая // Исследования Единого фронта. 2024. Т. 8. № 1. С. 26–37.

Liu Zhili, Wei Zitong. The civilisational value and global significance of China's new party system model. United Front Studies. 2024, vol. 8, no. 1, pp. 26–37.